

Лето в Сосняках

Анатолий Рыбаков

ЛЕТО В СОСНЯКАХ

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(0)
Р93

Рыбаков, А.

Р93 Лето в Сосняках. / А. Рыбаков. – М. : T8RUGRAM /
Агентство ФТМ, 2020. – 192 с.

ISBN 978-5-521-74711-5

Действие романа русского писателя Анатолия Рыбакова «Лето в Сосняках» происходит в 50-х годах на одном из крупных химических заводов страны, построенном еще в годы первой пятилетки. В центре романа — судьба заводской женщины Лили Кузнецовой. На первый взгляд в производственном романе, открывается весь драматизм людей, живших в послевоенную эпоху, когда отголосками 1937 года по-прежнему по одному слову рушились судьбы людей. Только в то предоттепельное время 60-х уже взрослые дети оказываются в ответе за своих родителей, даже если они реабилитированы, пусть и посмертно. Писатель остро ставит вопрос о моральной ответственности людей за свои поступки, о чести и достоинстве советского человека.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74711-5

© T8RUGRAM, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020
© Текст. А. Рыбаков, наследники, 2020

1

Коттеджи на крутом берегу реки были построены в тридцатых годах для немецких специалистов. Когда немцы уехали, в них поселились итээровцы. Но город строился в стороне от заводов. Овражная улица, в свое время первая улица Сосняков, оказалась, теперь его окраиной.

Кирпичные, неоштукатуренные домики с крутыми черепичными крышами и решетчатыми ставнями странно выглядели за штакетником провинциальных палисадников, среди чахлых огородов, спускавшихся к берегу по склонам широких оврагов. Справа виднелись массивы нового города, слева — химические заводы, покрытые рыже-желто-зелеными дымами, доносившими сюда запахи аммиака и хлора.

Как всегда в воскресенье, инженер Колчин работал в огороде с женой и дочерью. В стоптанных туфлях, застиранной пижамной куртке, молча копал землю. «При жизни не любил недоделанную работу и после смерти не хотел оставлять», — говорила потом соседям его жена. И поджимала губы,

как человек, пусть и обиженный судьбой, но не нуждающийся в сочувствии людей.

Сели обедать в три часа. Колчин сосредоточенно жевал вставными челюстями, наклонив к тарелке лицо, схваченное розоватым старческим загаром. Обедали на кухне, в чаду и запахах плиты, ели медленно и много: им предстояло еще полдня тяжелого труда.

Подымаясь из-за стола, Колчин сказал:

— Идите, приду, — и ушел в комнаты.

Солнце садилось, высветляя оранжевым золотом березовые рощи и перелески на другом берегу реки. На этом берегу растительности не было. Газовые отходы заводов истребили сосновые леса, в свое время давшие название городу. На смену лесам пришли пески. Желтые, однообразные, они тянулись между городом и заводами.

Прошло, наверное, с полчаса. Колчин не выходил.

— Не идет...

Ирина не ответила матери. Не замечала отсутствия отца, как старалась не замечать его присутствия.

Они продолжали копать молча. Эта узкая полоска давала немного овощей, ценных в войну, но сейчас выращиваемых по привычке. Перевернутая лопатой земля ложилась на грядках толстыми, нерассыпающимися пластами.

Мать выпрямилась, воткнула лопату в землю, подолом фартука вытерла лицо и пошла в дом.

В большой комнате мужа не было. Не оказалось его и в спальне. Она подошла к крутой деревянной лестнице, ведущей на чердак, где Колчин отгородил себе каморку.

— Корней!

Голос ее тревожно прозвучал в тишине пустого дома. Никто не ответил. Она вернулась на крыльцо.

— Ирина!

Та подошла, вытирая руки о передник.

— Зайди в дом! — сказала мать тихо, подчиняясь годами выработанному правилу: «Чтобы люди не слышали».

Наступив на скребок, Ирина очистила прилипшую к подошвам грязь, сняла ботинки и осталась в плотных шерстяных носках.

— Отца-то нет. Думала, на чердаке, окликала — не отвечает. Слазай, посмотри, — прошептала мать.

— Чего лезть?! Был бы там — отозвался.

— Слазай, посмотри! — повторяла старуха, подталкивая Ирину к лестнице.

Боком, осторожно переставляя ноги на узких ступенях, Ирина поднялась по лестнице, открыла дверь, поднялась еще выше и исчезла на чердаке. Старуха услышала над собой осторожное, глухое шуршание шлака.

— Белье там, смотри!

На чердаке все смолкло. Потом опять послышалось шуршание шлака. И вдруг из люка свесилось горящее лицо Ирины:

— Иди сюда... Иди сюда... Отравился...

Колчин отравился дихлорэтаном — бесцветной жидкостью с резким сладковатым запахом. Смертельная ее доза — двадцать граммов. Мгновенно обезжиривает и парализует пищеварительный тракт. Спасения нет. Но умирает человек только на третьи, на четвертые, а то и на седьмые сутки. Инженер Колчин знал это лучше других. И все же он принял дихлорэтан и обрек себя на медленную, мучительную смерть.

Перед тем как принять яд, Колчин снял белье, висевшее на чердаке, аккуратно сложил его, смотал веревки, собрал в связку прищепки и повесил их на гвоздик, на котором они висели всегда. Сделал он это для того, чтобы не порвали веревок, не растеряли прищепок и не испортили белье в суматохе, которая произойдет, когда будут проносить его по низкому, тесному и темному чердаку.

Заводская больница, где лежал Колчин, находилась в восьми километрах от завода, в сосновом бору, не тронутом строителями и устоявшем перед химиками. Только иглы сосен были здесь желтыми. Разноцветные изделия из синтетических смол придавали больнице праздничную красочность и яркость.

Заведующий больницей Лев Абрамович Чернин сказал Ирине:

— Делаем все возможное. Хотите, перевезем его в городскую больницу?

Ирина знала, что положение отца безнадежно. Хотела даже сказать, что не надо вливать ему глюкозу, зачем зря мучить. Но сказала только:

— Что вы, Лев Абрамович, неужели мы вам не доверяем?!

Колчин лежал за занавеской в процедурной, равнодушный к врачу, задававшему ему ненужные вопросы, к сестрам, вводившим в брюшину шприц с бесполезной глюкозой, к нянькам, спорившим о недостающей простыне, к жене и дочери, томившимся возле него в бездействии — бессильные ему помочь. Его сморщенная, пронзительно-желтая кожа повисла на костях, глаза были полузакрыты, он был не в силах поднять веки. Иногда он бредил сквозь зубы, про себя, не двигаясь. Но ни разу не обмолвился словом о том, что побудило его выпить дихлорэтан.

Чернин был опытный врач. Так много видел он смертей, что, подходя к больному, мог сказать, умрет он или нет. И Чернин знал, что Колчин ничего не скажет, ибо уже не думает о тех, кто остается жить.

Однако на третьи сутки, не шевелясь и не открывая глаз, Колчин вдруг отчетливо проговорил:

— Кузнецова... Пусть придет.

В смену аппаратчицы Кузнецовой Колчин налил в пробирку дихлорэтан.

Чернин позвонил на завод. Через сорок минут директорская легковая машина подкатила к крыльцу больницы.

Выздоровливающие больные, гревшиеся на сияющем и радостном майском солнце, уставились на Кузнецову с любопытством людей, истомленных

однообразием больничной жизни. Лиля Кузнецова была молода и красива. И шофер директора Костя, демобилизованный моряк, тоже был молодой, здоровый парень. Шипение шин по мокрому асфальту, хлопанье дверок кабины, сверкание стекла и металла машины — все это нарушило монотонную тишину больницы, одиноко стоящей в лесу среди сосен, желтых игл и весенних неподвижных луж на накатанной дороге.

— Подошел к столику и налил. Странно! Я и подумать ничего не могла. Дихлорэтан! Им и девчонки не травятся, — говорила Лиля и косила маленьким пухлым ртом, презрительно щурила голубые глаза. В грубой суконной куртке, защитной одежде химика, она стояла, прислонясь к перилам крыльца, — стройная женщина с нежным лицом и падающими на лоб прядями белокурых волос.

Больные были — как все больные: чужие болезни были поводом поговорить о своих. Но перед ними стояла молодая красивая женщина. Ею свободно могут любоваться даже они, бледные, небритые мужчины в матрацных пижамах, громадных шлепанцах и безобразных больничных халатах. И они продолжали обсуждать самоубийство, разговоры о котором занимали их третьи сутки.

— Прищепки и те собрал. О чем заботился человек перед смертью?

— Хладнокровный, значит.

— Чего надо было? При такой должности, в годах, дом собственный. Комедия.